вителю Измарагда, объясняется и совсем неубедительное его мнение, что название одного из слов Измарагда — «Наказание некоего отца к сыну» — содержит в себе нечто специфически стригольничье: только-де стригольник мог так «надписать» «слово», имея в виду мирянина, учащего вопросам веры и нравственности. Но «слов» с такими названиями много и в сугубо ортодоксальном Златоусте.

Насколько действительно внимательно читали уже в первые века истории русской литературы «душеполезная словеса» «святых книг», видно из того, как часто и духовные и светские писатели этого времени подкрепляли свои мысли ссылками на византийско-болгарскую учительную литературу. По этим ссылкам можно установить их знакомство и с такими произведениями, которые сохранились лишь в более поздних списках.

По мере того как в круг чтения русского «книжника» входило все большее число произведений светского содержания, в консервативной части общества нарастал протест против падения интереса в светской среде к религиозно-учительной книжности. Этот протест особенно усилился в XVI в. и нашел свое наиболее яркое выражение в «Наказаниях» митрополита Даниила: «... вси от душеполезных притчей и повестий уклоняются, вси от духовных бесед бегают, вси плотская любят». И потому сам проповедник призывает: «Приидете, о возлюблении, беседуем беседы душеполезныя и повести и притчи спасительныя».[16] «Беседам душеполезным» Даниил противопоставил резко осуждаемые им занимательные сочинения: «Ты же непрестанно вся человеки съблажняеши, яко же самый той сатана, баснословиши, притчи смехотворныа приводиши»; «Како насытишися духовныя пищи в прочитании божественных словес, а ты праздноословиши и кощунствуеши?». «Притчи смехотворные» проповедник считает такими же вредными для истинного христианина, как искусство, которое несли «скомрахи, плясцы, глумотворцы».[17]

Защита «душеполезных словес» продолжалась и в XVII в., когда демократическая литература оттеснила из круга чтения многих «святые книги» учительного характера. В 1640-х годах царский стольник повторил противопоставление «божественным книгам и богословным догматам» «баснословных повестей и смехотворных писем»,[18] хотя и сделал это прежде всего усматривая в последних проявление протеста против социальной несправедливости.

* * *

Среди «слов», посвященных отдельным темам морального кодекса, в Измарагде есть группа поучений, в которых собраны все основные этические требования, предъявляемые каждому образцовому христианину: перечислено в краткой афористической форме, что должно выполнять и что запрещается делать. Здесь отсутствуют развернутые психологические и религиозные мотивировки наставлений и запретов, почти нет попыток разъяснить бытовыми примерами или сопоставлениями необходимость соблюдения всех правил поведения — «како жити христианину». Образцы такого рода сводов-«наказаний» есть и в предшествующих Измарагду сборниках, начиная с Изборника 1076 г.

---

[16] В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Отдел приложений, стр. 36—37.

[17] Там же, стр. 19, 29, 21.

[18] А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. М., 1898, стр. 1—13.